

УДК 03.23.31

*К. А. Руденко***ТАЙНЫ И ИДЕИ КАЗАНСКОГО МАСОНСТВА
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА**

Статья посвящена рассмотрению малоизученной темы – казанскому масонству в конце XVIII – начале XIX века. Представленный материал позволяет дать оценку роли этого явления в культурной жизни Казани, Москвы и Петербурга, как в целом, так и на примере конкретных личностей.

Ключевые слова: масоны, Г. П. Каменев, А. Л. Лихачев, П. Ф. Лихачев, Г. И. Панаева, С. А. Москотильников, Г. Р. Державин, Казанский университет.

*К. А. Rudenko***SECRETS AND IDEAS OF KAZAN MASONRY
AT THE END OF THE XVIII – BEGINNING OF THE XIX CENTURY**

The article reviews poorly researched topic about the Kazan Freemasonry in the late XVIII – early XIX century. The presented material allows to evaluate the role of this phenomenon in the cultural life of Kazan, Moscow and St. Petersburg as a whole, and on specific individuals as well.

Keywords: free masons, G. P. Kamenev, A. L. Lihachev, P. F. Lihachev, G. I. Panaeva, S. A. Moskotilnikov, G. R. Derzhavin, Kazan University.

В конце XVIII – начале XIX столетия Казань уже переживала своего рода всплеск интеллектуальной жизни. В городе появляются даже частные школы (пансионы)¹⁵. В 1793 году Савва Андреевич Москотильников (1768–1852), переводчик и юрист, чиновник городского магистрата, организовал в городе неформальный литературный кружок. В его составе были провинциальные интеллигенты, такие как казанский учитель, затем профессор Виленского университета И. И. Чернявский, преподаватели народного училища С. В. Смирнов и В. Р. Бобровский, цивильский помещик (кроме того, поэт, прозаик и историк) Николай Сергеевич Арцыбышев.

Этот казанский «бомонд второго порядка», состоящий из членов кружка, через С. А. Москотильникова был тесно связан с московскими розенкрейцерами (масонами), в том числе Н. М. Карамзиным, И. П. Тур-

геньевым, И. И. Дмитриевым, Н. И. Новиковым и др.

В состав кружка входил и Г. П. Каменев. Еще в 1780-х годах он познакомился с одним из активных кружковцев Н. С. Арцыбышевым. Объединяла их в кружке не только любовь к литературному творчеству, но и история. Г. П. Каменев, как и С. А. Москотильников, интересовался историей и древностями. В библиотеке Г. П. Каменева были исторические труды М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, Роллена и даже Ксенофонта [8, с. 301; 5, с. 97–98]. Можно предположить, что в какой-то мере это увлечение было знакомым для части казанской интеллигенции того времени. Как писал Н. С. Арцыбышев, именно на одном из собраний кружка в 1802 году, где мог присутствовать и Г. П. Каменев¹⁶, он решил всерьез заняться историей и даже отчасти археологией [8, с. 303].

¹⁵ Напр.: пансион М. Потот (Пото) – см.: [10, с. 139–145].

¹⁶ Летом 1802 года Г. П. Каменев был в Москве и оттуда писал С. А. Москотильникову письма (письмо от 11 июня 1802 года) [1].

Отдавая дань времени, неформальные объединения в конце XVIII – начале XIX века являлись частью масонского движения, которое негласно поддерживалось и официальными кругами. Кружок С. А. Москотильникова не был исключением.

Надо сказать, что масонские организации существовали в Казани и до того. От связи с московскими масонами предостерегала Фекла Савишна Блудова своего племянника юного тогда Г. Р. Державина, когда он ехал в Москву [8, с. 142].

С 1776 года в Казани действовала масонская ложа «Восходящего солнца», упомянутая в немецком масонском списке 1786 года [1, с. 101–108; 7, с. 508]. В списке А. Н. Пыпина она отмечена под № 18 как «Лихачева в Казани (Восходящего солнца?)» [7, с. 556]. Организовал и поддерживал ее Александр Логинович Лихачев, прадед Андрея Федоровича Лихачева. В его библиотеке были книги с автографами известных масонов, в том числе И. И. Панаева, мастера стула ложи Восходящего солнца (с конца 1783 года), а также с казанских масонов П. С. Кондырева, Ю. И. фон Каница. На усадьбе Лихачева в Полянках собирались члены Ложи и проводили тайные церемонии и ритуалы.

Масонство было известно и среди казанских гимназистов. Так, отец ученика гимназии Петра Петровича Татищева был мастером стула в масонской ложе «Трех знамен». Сам Петр Петрович впоследствии также был масоном и женился на дочери масона Гине. Его единственная дочь вышла замуж за князя П. М. Долгорукого, бывшего ранее эксцентриком. Это «высший эшелон» масонства был исключительно дворянским и вероятно члены его мало пересекались с масонами-маскотильниковцами¹⁷.

¹⁷ Не исключено, что с этим связаны проблемы, которые возникли у Н. С. Арцыбышева, когда он пытался защитить диссертацию в Казанском университете [2, с. 744–747].

В 1822 году после запрета масонства ведущие профессора и преподаватели казанского университета давали письменные расписки, что они не входят в масонские ложи. Исходя из обратного можно предположить, что те, кто дал эти расписки подозревались в членстве в масонской ложе. Это К. Ф. Фукс, Н. И. Лобачевский, И. М. Симонов, П. С. Кондырев, Ф. И. Эрдман, И. Хальфин, М. С. Рыбушкин и другие [8, с. 303]. Известно, что масонами были представители многих казанских фамилий: Апраксины, Елагины, Кайсаровы, Корсаковы. Их роль в общественной жизни Казани и губернии в данном контексте не исследована.

В этой связи стоит отметить, что масон А. Л. Лихачев в 1780-х годах сделал блестящую карьеру: в 1782–1785 годах он становится заседателем в Казанском земском суде; в 1787–1803 – депутатом казанского дворянского собрания, с 1798 до 1804 годы является директором народного училища. К списку его наград надо добавить присуждение чина надворного советника в 1800 году и избрание предводителем дворянства Мамадышского уезда.

Масонская тема еще раз прозвучала в роде Лихачевых, когда отец А. Ф. Лихачева – Федор Семенович Лихачев решил жениться на Глафире Ивановне Панаевой. Не исключено, что резко отрицательное отношение С. А. Лихачева (деда А. Ф. Лихачева) к выбору сына было симптоматично. Семен Александрович большую часть времени проводил в Петербурге, и к московскому масонству, вероятно, относился прохладно и, скорее всего, к нему не имел никакого отношения. И поэтому желание сына породниться с масонским кланом Панаевых вызвало у него, мягко сказать, отрицательную реакцию. И пока Семен Александрович не умер в 1822 году, его сын жениться не мог.

Женитьба случилась как нельзя кстати. После указа 1822 года о запрете масон-

ства Глафира Ивановна Лихачева (Панаева), его супруга, срочно уничтожила большую часть документов и других свидетельств масонской деятельности ложи. Панаевы, наряду с Лихачевыми были сердцем масонской сети Казани, которая закреплялась родственными узами. Отметим, что после свадьбы Ф. С. Лихачев также быстро стал выдвигаться на ведущие позиции в губернии – избирается предводителем дворянства Спаского уезда.

Не исключено, что наследником масонских традиций, переданных ему матерью – Глафирой Ивановной – стал Петр Федорович Лихачев. Он наследовал имение в Полянках, активно занимался библиотекой и архивом, что достаточно странно, поскольку библиофильскими наклонностями он не отличался. Скорее всего, и Андрей Федорович Лихачев попал под влияние масонского прошлого семьи. Его затворничество, уход от реальности, своеобразные сюжеты в творчестве, даже научном, несколько заграничных командировок косвенно подтверждают это. Не исключено, что негативное отношение к А. Ф. Лихачеву многих профессоров университета имеет под собой и это основание.

Стоит только сожалеть, что эта тема в историографии практически не освещена и ждет своего исследователя¹⁸.

«Историзм» казанских масонов был не случаен. Идеи масонов были своего рода «философией истории» определенно-го крыла интеллигенции. Известный масон И. Г. Шварц на лекции у себя дома в 1782 году говорил, что «к научению человека суть тройственные познания: исторические, технические или художественные и живые. Исторические познания суть нравственные, физические и метафизические».

Да и живые корни истории в этом плане,

¹⁸ Достаточно подробно эту тему рассматривал Н. Н. Булич. Об этом см.: [9, с. 132–134].

несомненно, играли свою роль. Исторические корни легко проследить и для многих дворянских и купеческих родов, значившихся в масонских списках. Это известные дворянские фамилии, такие, например, Хованские. В этот круг, но другого уровня входили и богатые купеческие фамилии.

Так, Г. П. Каменев, участник кружка Москотильникова, происходил из знатного княжеского татарского рода, известного с XV века. Перешедшие на службу к Ивану IV предки поэта крестились, были пожалованы поместьями, которые сохранились во владении другой родословной ветви – князей Макуловых. Каменевы были в числе первых казанских купеческих родов.

Если касаться Г. П. Каменева, то в его жизни масонство сыграло злую шутку, С. А. Москотильников пытался спасти поэта от прогрессирующей депрессии и болезни и ввел его в круг своих друзей по кружку – масонов. «Поизносившегося», по выражению Е. Боброва, Г. П. Каменева, безусловно, привлекли далекие от земных страстей масонские философствования. Кроме того, это членство давало ему несомненные преимущества в знакомстве с известнейшими столичными литераторами, чем он не преминул воспользоваться.

Как только главный масон Москвы побывал в Казани, Г. П. Каменев быстро едет за ним и начинает активно общаться в среде московских масонов. Через них он знакомится с Н. М. Карамзиным и другими известными литераторами. Косвенно это подтверждают и письма Г. П. Каменева. В них имеются свидетельства о непосредственном общении поэта с Иваном Владимировичем Лопухиным, сенатором и масоном из круга Н. И. Новикова (И. В. Лопухин был в Казани в 1800 году в составе сенатской комиссии) [4, с. 66–67].

Вместе с тем, рецидивы прошлого, судя по нескольким письмам С. А. Москотильни-

кову¹⁹, не оставляют Г. П. Каменева и в столице. Впадая после этого в ипохондрию и меланхолию, он находит отклик своим мрачным мыслям в беседах с Карамзиным. Тема его бесед – суицид, смерть и похороны²⁰. Мнительному, самолюбивому, но все еще не потерявшему интерес к жизни поэту, такие беседы явно не улучшали настроение²¹.

¹⁹ Письмо от 21 ноября 1800 года. Данную тему можно трактовать и в ином ключе – см.: [3, с. 82–83].

²⁰ «Говорили ... о его и моей ипохондрии, желали оба потерять жизнь параличом или апоплексией, но не пистолетом; завидовали обычаю древних, сжигавших тела покойников», писал Г. П. Каменев С. А. Москотильникову о своей беседе с Н. М. Карамзиным (письмо от 31 октября 1800 года) [1].

²¹ Поэтическому складу души Г. П. Каменева глобальные идеи масонов были, вероятно, близки и понятны – ср.: [6, с. 116–118].

Застигнувшие его еще в молодом возрасте проблемы больно ранили душу – он «выпал» из круга своих друзей, оказался отвергнутым женой, и лишь беседы о скорой кончине приносили покой и успокоение...

Таким образом, масонство как часть казанской жизни явление сложное и связано с развитием как общественной мысли и просвещения в российской провинции, так и непосредственно с выдающимися личностями города Казани. Учитывая активное участие масонов в общественной жизни губернии, перспективным представляется изучение их как явления не только культурной жизни провинциального российского общества, но и политической, что весьма ярко проявилось в период, последовавший после провала попытки государственного переворота дворянами-декабристами в 1824 году.

Литература

1. Бобров Е. Литература и просвещение в России XIX века: мат-лы, исслед. и заметки. – Казань: Типография Казан. ун-та, 1902. – Т. III. – 200 с.
2. Булич Н. Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819). Рассказы по архивным документам. – Казань: Типография ун-та, 1891. – Ч. 2. – 800 с.
3. Карташева Е. И. «Театр жизни» Гаврила Каменева (стилистика бытового поведения) // Диалог поэтов в культурном пространстве Казани. – Казань: Школа, 2004. – С. 82–83.
4. Карташева Е. И. Неизданные письма Гаврила Петровича Каменева (по материалам фондов Национального музея РТ) // Диалог поэтов в культурном пространстве Казани. Литературно-публицистические чтения к 200-летию смерти Г. П. Каменева и 170-летию приезда А. С. Пушкина в Казань 23–24 октября 2003 года. – Казань: Школа, 2004. – С. 66–67.
5. Новицкая И. А. Библиотека Г. П. Каменева // Диалог поэтов в культурном пространстве Казани. – Казань, 2004. – С. 97–98.
6. Пашкуров А. Н. Возвышение добродетели в русском масонстве (некоторые аспекты) // Диалог поэтов в культурном пространстве Казани. – Казань, 2004. – С. 116–118.
7. Пыпин А. Н. Русское масонство XVIII и первая половина XIX века: исслед. и мат-лы по эпохе Екатерины II и Александра I. – Пг., 1916. – 590 с.
8. Руденко К. А. Волжские булгары в зеркале истории (X–XIX века). – Казань: Школа, 2007. – 420 с.
9. Сидорова М. М. К вопросу об изучении масонства в Казани // Диалог поэтов в культурном пространстве Казани. – Казань, 2004. – С. 132–134.
10. Фролова С. А. Пансионы Марии Потот в Казани (1802–1813, 1819–1826 годы) // Диалог поэтов в культурном пространстве Казани. – Казань, 2004. – С. 139–145.